

*М. А. Венгранович (Тольятти)*

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ  
КАК ФАКТОР РАЗГРАНИЧЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЙ  
О ФАКТАХ И ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

На сегодняшний день при разрешении юридических споров, касающихся квалификации различных видов диффамации, «центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, является постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации» [7, с. 231]. Как показывает экспертная практика по делам о распространении не соответствующих действительности сведений, данная проблема особым образом трансформируется в собственно лингвистическую проблему противопоставления фактивных (дескриптивных) высказываний, описывающих реальное положение дел в категориях объективной модальности, и оценочных высказываний, или высказываний-мнений, выражающих субъективную картину мира говорящего в категориях субъективной модальности, которая при всей ее актуальности и значимости до сих пор остается неразрешенной. Причин этому несколько. Во-первых, отсутствие у экспертного сообщества единства в понимании существа проблемы. Так, часть исследователей говорит о проблеме определения языковых признаков утверждений о фактах и оценочных суждений, мнений [1; 3]. Другие исследователи видят возможность разрешения данной проблемы в поиске критериев разграни-

чения юридически значимых типов высказываний. При этом на сегодняшний день в экспертной практике по делам о диффамации обозначились шесть основных критериев: лексико-грамматический, стилистический, прагматический, онтологический (противопоставление субъективных и объективных высказываний), критерий истинности/ложности, верификационный. Из этого списка следует сразу же исключить последний (верификационный) критерий, проверяющий высказывания на их соответствие действительности, поскольку это не входит в компетенцию лингвиста. В силу того что объектом экспертного исследования являются высказывания на естественном языке, для которых характерны «бесконечная смысловая валентность» (Н. Д. Голев), представляется затруднительным ограничиться выбором одного, оптимального критерия разграничения типов высказываний, поэтому целесообразнее учитывать различные критерии в комплексе, соотносясь при этом со своеобразием конкретного высказывания, являющегося частью системы дискурса.

Во-вторых, невозможность однозначного разрешения обозначенной проблемы видится в сложности разграничения *субъективного* и *объективного* в целом, поскольку в онтологическом плане расчленение высказывания на рациональный (фактологический) и эмоциональный пласты представляется недостаточно правомерным: конкретное высказывание всегда есть продукт мышления субъекта и изначально детерминировано как субъективный акт (и по форме, и по содержанию). Г. В. Колшанский, детально исследовавший данную проблему, отмечал: «Познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т. д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании» [4, с. 142]. Такой подход предполагает понимание любого высказывания как двухуровневого образования, в котором на объективную, фактическую информацию накладывается субъективный момент. Логическим следствием этого является понимание градуальности шкалы «объективность-субъективность» и выделение в рамках лингвистических исследований, по крайней мере, трехчленной типологии спорных высказываний: *фактологические (дескриптивные) высказывания – оценочные высказывания (в широком смысле) – оценочные высказывания с де-*

*скриптивным компонентом.* О необходимости выделять в оценочном высказывании дескриптивный компонент говорила и Е. М. Вольф: «Присутствие в оценке дескриптивного фактора, отражающего объективные свойства предметов и событий, заставило предположить, что утверждение о том, что оценки не являются ни истинными, ни ложными, нуждается в пересмотре» [2, с. 35].

Как видим, лингвистическая и юридическая оппозиции принципиально расходятся в типологических характеристиках высказываний, что осложняет процесс однозначной квалификации высказываний экспертом. Выход из этой ситуации видится в целесообразности использования при квалификации высказываний на предмет наличия признаков диффамации трех основных факторов: **формального**, учитывающего наличие/отсутствие языковых показателей утверждения, мнения и предположения; **семантического**, выявляющего в содержательной стороне высказывания информации объективного и субъективного свойства (т. е. установление возможности информации быть истинной или ложной), и **прагматического** фактора, определяющего готовность адресанта высказывания взять на себя ответственность (или, наоборот, снять с себя ответственность) за истинность сообщаемой информации.

Если формальный критерий в настоящее время достаточно разработан, то семантический и прагматический критерии требуют отдельного рассмотрения. В рамках данной статьи попытаемся проследить применение указанных факторов к интерпретации конкретных высказываний (с акцентом на семантике высказывания).

1. Традиционно считается, что к формальным показателям субъективно-модальных значений в высказывании относятся **вводные компоненты**, которые не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, но обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами. Однако вводные компоненты не только являются субъективно-модальными квалификаторами в высказывании, но и служат определенным прагматическим целям – выразить собственную оценку степени достоверности/недостоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность) или дополнительно убедить адресата в достоверности передаваемых сведений, т. е. усилить истинностный компонент высказывания (его фактологичность). Отмеченные семантические свойства вводных компонентов позволяют рассматривать их как один из возможных критериев

разграничения фактологических (передающих информацию о событии) и оценочных (в широком смысле) высказываний (выражающих субъективное отношение к сообщаемому) в практике проведения лингвистических исследований публицистических текстов при разрешении информационных судебных споров.

Это касается тех высказываний, в которых мнение-оценка выдается за знание (соответственно, неverifiedируемая пропозиция – за verifiedируемую): *Действительно, рано утром 18 февраля в частях двух военных округов провели внезапную проверку, чего у нас не было 20 лет* [АиФ, 2013, № 9]; *Бесспорно, что нынешний финансовый (а не экономический) кризис начался в США, причем в секторе, представляющем около 1,4 % экономики* [АиФ, 2013, № 8]. В данных примерах информация, передаваемая автором и маркируемая вводным компонентом, через семантику вводного компонента (*действительно* – ‘употр. для указания на достоверность высказывания, на его подтверждение’ [5, с. 103]; *бесспорно* – ‘употр. для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания, считает их неоспоримыми’ [5, с. 34]) может дополнительно усиливать впечатление достоверности передаваемого сообщения и тем самым служить весомым убеждающим фактором для реципиента. В этом случае создается многоплановость высказывания в отношении интенции говорящего и объективности информации для восприятия слушающего (читающего): автор, маркируя высказывание формальным субъектно-модальным квалификатором, создает утверждение особой экспрессивной силы, проявляющее интенцию говорящего в конкретном высказывании – выразить собственную уверенность в достоверности события и, тем самым, дополнительно убедить в этом воспринимающего текст субъекта. Это позволяет говорить о многозначности языковой формы и неправомерности ее односторонней интерпретации. Это так называемая истинностная оценка (Н. Д. Арутюнова).

2. **Вероятностный, предположительный** характер информации может выражаться, кроме формальных показателей, также лексически – с помощью лексем, семантика которых указывает на предположительность информации. Например: *У меня есть собственная версия происшедшего...* В этом случае субъективная информация оказывается встроенной в структуру лексического значения слова *версия* (‘разновидность, вариант в изложении, толковании чего-н., в рассказе

о чем-н.» [6, с. 79], которое начинает функционировать как маркер ввода вероятностной информации.

3. Высказывания о **оценочной информации** (т. наз. частнооценочные высказывания) должны анализироваться с разложением на фактический компонент, подлежащий верификации. В качестве примера можно привести экспертный анализ фразы «*Лидеру компартии Геннадию Зюганову предложили избавиться от сомнительного соратника*». В данной фразе содержится негативная информация об одном из соратников Г. Зюганова, который имеет не внушающую доверия («запятнанную») репутацию (данный смысл актуализируется в слове *сомнительный* – ‘вызывающий сомнение, подозрение в чем-нибудь, непроверенный. *Сомнительная личность. Человек с сомнительным прошлым (с темным прошлым)*’ [6, с. 745]. В контексте анализируемой статьи выражение *сомнительный соратник* имеет значение ‘человек, не внушающий доверия, репутация которого основана на злоупотреблениях в сфере профессиональной деятельности’ (данное значение конкретизируется через указание на те факты профессиональной деятельности С. Ракитина, обеспечившие ему не внушающую доверия репутацию (отмечается, что он обанкротил и разорил не одно крупное предприятие в Самарской области и помог приобрести многомиллионное состояние бизнес-структуре, к которой имеет непосредственное отношение). Хотя данная негативная информация в целом имеет оценочный характер (в ней вычленяется оценочный компонент «плохой»), в значении слова *сомнительный* присутствует и дескриптивный компонент, указывающий на непрофессионализм и злоупотребления в сфере в профессиональной деятельности С. Ракитина. В этой (дескриптивной) части оценочное выражение *сомнительный соратник* может быть подвергнуто процедуре верификации.

Таким образом, следует констатировать, что проблема разграничения субъективных (оценочных в широком смысле) и фактологических (утвердительных) высказываний требует глубокого и серьезного рассмотрения и учета при анализе конкретных высказываний.

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009.

2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

3. Губаева, Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Т. Губаева, М. Муратова, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 64–65.

4. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975.

5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М., 2002.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990.

2. Ратинов, А. Р. Когда не стесняются в выражениях...: Послесловие юриста / А. Р. Ратинов // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 227–237.